

КОМЕДИ КЛАСС!

Аркадий
Аверченко

Вера
Гамаюн

Наринэ
Абгарян

Виктор
Драгунский

Виктория
Медведева

Игорь
Родионов

Александр
Цыпкин

Анна
Зимова

Светлана
Щелкунова

Александр
Егоров

Ирина
Пивоварова

Мария
Якунина

Елена
Пальванова

«А ГОЛОВУ МЫ ДОМА
НЕ ЗАБЫЛИ!»

Самые смешные рассказы о школе

Камеди Класс!

Виктор Драгунский

**«А голову мы дома не забыли!»
Самые смешные истории
о школе, рассказанные
классными классиками и
классными современниками**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Драгунский В. Ю.

«А голову мы дома не забыли!» Самые смешные истории о школе, рассказанные классными классиками и классными современниками
/ В. Ю. Драгунский — «Издательство АСТ», 2022 — (Комеди Класс!)

ISBN 978-5-17-150311-6

О чём нужно думать во время решения экзаменационной задачи? Как правильно отвлечь учителя, когда весь класс не готов к уроку? Как ответить на любовную записку так, чтобы не получить портфелем по голове? Не знали? — Теперь узнаете! Эти и другие прикольные истории о школьниках рассказали писатели: Аркадий Аверченко, Наринэ Абгарян, Вера Гамаюн, Виктор Драгунский, Александр Егоров, Анна Зимова, Виктория Медведева, Елена Пальванова, Ирина Пивоварова, Игорь Родионов, Светлана Щелкунова, Александр Цыпкин и Мария Якунина.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-150311-6

© Драгунский В. Ю., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Классные классики	7
Аркадий Аверченко	9
Аркадий Аверченко	17
Аркадий Аверченко	26
Ирина Пивоварова	33
Виктор Драгунский	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

«А голову мы дома не забыли!»
Самые смешные истории о школе,
рассказанные классными классиками
и классными современниками

Дизайн обложки Юлии Межовой

В оформлении обложки использованы рисунки Светланы Соловьёвой, Татьяны Муравлёвой, Марины Рыминой

© Авторы, наследники, текст, ил., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

КЮМЕДИ КЛАСС!

Аркадий
Аверченко

Игорь
Родионов

Вера
Гамаюн

Наринэ
Абгарян

Елена
Пальванова

Виктор
Драгунский

Светлана
Щелкунова

Александр
Цыпкин

Мария
Якунина

Александр
Егоров

Анна
Зимова

Ирина
Пивоварова

Виктория
Медведева

«А ГОЛОВУ МЫ ДОМА НЕ ЗАБЫЛИ!»

Классные классики

Классные классики

Аркадий Аверченко Экзаменационная задача

Художник Анна Власова

Когда учитель громко продиктовал задачу, все записали ее, и учитель, вынув часы, заявил, что дает на решение задачи двадцать минут, – Семён Панталыкин провел испещренной чернильными пятнами ладонью по круглой головенке и сказал сам себе:

– Если я не решу эту задачу – я погиб!..

У фантазера и мечтателя Семёна Панталыкина была манера – преувеличивать все события, все жизненные явления и вообще смотреть на вещи чрезвычайно мрачно.

Встречал ли он мальчика больше себя ростом, мизантропического¹ сурового мальчика обычного типа, который, выдвинув вперед плечо и правую ногу и оглядевшись – нет ли кого поблизости, – ехидно спрашивал: «Ты чего задаешься, говядина² несчастная?», – Семён Панталыкин бледнел и, видя уже своими духовными очами призрак витающей над ним смерти, тихо шептал:

– Я погиб.

Вызывал ли его к доске учитель, опрокидывал ли он дома на чистую скатерть стакан с чаем – он всегда говорил сам себе эту похоронную фразу:

– Я погиб.

Вся гибель кончалась парой затрещин в первом случае, двойкой – во втором и высылкой из-за чайного стола – в третьем.

Но так внушительно, так мрачно звучала эта похоронная фраза: «Я погиб», – что Семён Панталыкин всюду совал ее.

¹ Мизантропия – нелюдимость, человеконенавистничество. – Здесь и далее примеч. ред.

² Синяя говядина, или говядина – прозвище гимназистов из-за синих форменных мундиров.

Фраза, впрочем, была украдена из какого-то романа Майн Рида, где герои, влезши на дерево по случаю наводнения и ожидая нападения индейцев – с одной стороны и острых когтей притаившегося в листве дерева ягуара – с другой, – все в один голос решили:

– Мы погибли.

Для более точной характеристики их положения необходимо указать, что в воде около дерева плавали кайманы³, а одна сторона дерева дымилась, будучи подожженной молнией.

* * *

Приблизительно в таком же положении ощущал себя Панталыкин Семён, когда ему не только подсунули чрезвычайно трудную задачу, но еще дали на решение ее всего-навсего двадцать минут.

Задача была следующая:

«Два крестьянина вышли одновременно из пункта А в пункт Б, причем один из них делал в час четыре версты⁴, а другой пять. Спрашивается, насколько один крестьянин придет раньше другого в пункт Б, если второй вышел позже первого на четверть часа, а от пункта А до пункта Б такое-то расстояние в верстах».

Прочтя эту задачу, Панталыкин Семён сказал сам себе:

– Такую задачу в двадцать минут? Я погиб!

Потеряв минуты три на очинку карандаша и на наиболее точный перегиб листа линованной бумаги, на которой он собирался развернуть свои «математические способности», – Панталыкин Семён сделал над собой усилие и погрузился в обдумывание задачи.

Бедный Панталыкин Семён! Ему дали отвлеченную математическую задачу в то время, как он сам, целиком, весь, с головой и ногами, жил только в конкретных образах, не постигая своим майн-ридовским умом ничего абстрактного.

³ Кайманы – крокодилы, обитающие в Центральной и Южной Америке.

⁴ Верста – устаревшая мера длины, приблизительно равна километру.

Первым долгом ему пришла в голову мысль:

– Что это за крестьяне такие: «первый» и «второй»? Эта сухая номенклатура ничего не говорит ни его уму, ни его сердцу. Неужели нельзя было назвать крестьян простыми человеческими именами?

Конечно, Иваном или Василием их можно и не называть (инстинктивно он чувствовал прозаичность, будничность этих имен), но почему бы их не окрестить – одного Вильямом, другого Рудольфом.

И сразу же, как только Панталыкин перекрестил «первого» и «второго» в Рудольфа и Вильяма, оба сделались ему понятными и близкими. Он уже видел умственным взором белую полоску от шляпы, выделяющуюся на лбу Вильяма, лицо которого загорело от жгучих лучей солнца... А Рудольф представлялся ему широкоплечим мужественным человеком, одетым в синие парусиновые штаны и кожаную куртку из меха речного бобра.

И вот – шагают они оба, один на четверть часа впереди другого...

Панталыкину пришел на ум такой вопрос:

– Знакомы ли они друг с другом, эти два мужественных пешехода? Вероятно, знакомы, если попали в одну и ту же задачу... Но если знакомы – почему они не сговорились идти вместе? Вместе, конечно, веселее, а что один делает в час на версту больше другого, то это вздор – более быстрый мог бы деликатно понемногу сдерживать свои широкие шаги, а медлительный мог бы и прибавить немного шагу. Кроме того, и безопаснее вдвоем идти – разбойники ли нападут или дикий зверь...

Возник еще один интересный вопрос:

– Были у них ружья или нет?

Пускаясь в дорогу, лучше всего захватить ружья, которые даже в пункте Б могли бы пригодиться в случае нападения городских бандитов – отрепья глухих кварталов.

Впрочем, может быть, пункт Б – маленький городок, где нет бандитов?...

Вот опять тоже – написали: пункт А, пункт Б... Что это за названия? Панталыкин Семён никак не может представить себе городов или сел, в которых живут, борются и страдают люди, – под сухими бездушными литерами. Почему не назвать один город Санта-Фе, а другой – Мельбурном?

И едва только пункт А получил название Санта-Фе, а пункт Б был преобразован в столицу Австралии, – как оба города сделались понятными и ясными... Улицы сразу застроились домами причудливой экзотической архитектуры, из труб пошел дым, по тротуарам задвигались

люди, а по мостовым забежали лошади, неся на своих спинах всадников – диких, приехавших в город за боевыми припасами, вакеро⁵ и испанцев, владельцев далеких гациенд⁶...

Вот в какой город стремились оба пешехода – Рудольф и Вильям...

Очень жаль, что в задаче не упомянута цель их путешествия. Что случилось такое, что заставило их бросить свои дома и спешить сломя голову в этот страшный, наполненный пьяницами, карточными игроками и убийцами Санта-Фе?

И еще – интересный вопрос: почему Рудольф и Вильям не воспользовались лошадьми, а пошли пешком? Хотели ли они идти по следам, оставленным кавалькадой гверильясов⁷, или просто прошлой ночью у их лошадей таинственным незнакомцем были перерезаны поджилки, дабы они не могли его преследовать, – его, знавшего тайну бриллиантов Красного Носорога?..

Все это очень странно... То, что Рудольф вышел на четверть часа позже Вильяма, доказывает, что этот честный скваттер⁸ не особенно доверял Вильяму и в данном случае решил просто проследить этого сорвиголову, к которому вот уже три дня подряд пробирается ночью на взмыленной лошади креол⁹ в плаще.

...Подперев ручонкой, измазанной в мелу и чернилах свою буйную, мечтательную, отуманенную образами голову, – сидит Панталыкин Семён.

⁵ *Вакеро* – конный пастух-скотовод. Прототип североамериканского ковбоя.

⁶ *Гациенда* – загородное поместье в Латинской Америке.

⁷ *Гверильясы* – партизаны, повстанцы.

⁸ *Скваттер* – колонист, поселившийся на ничейной земле.

⁹ *Креолы* – потомки первых колонистов в Центральной и Южной Америке, кроме Бразилии и Антильских островов. Там креолами называют потомков чернокожих рабов.

И постепенно вся задача, весь ее тайный смысл вырисовывается в его мозгу.

Задача:

...Солнце еще не успело позолотить верхушек тамариндовых деревьев, еще яркие тропические птицы дремали в своих гнездах, еще черные лебеди не выплывали из зарослей австралийской кувшинки и желтоцвета, – когда Вильям Блокер, головорез, наводивший панику на все побережье Симпсон-Крика, крадучись шел по еле заметной лесной тропинке...

Делал он только четыре версты в час – более быстрой ходьбе мешала больная нога, подстреленная вчера его таинственным недругом, спрятавшимся за стволом широколиственной магнолии.

– Каррамба! – бормотал Вильям. – Если бы у старого Биля была сейчас его лошаденка...

Но... пусть меня разорвет, если я не найду негодяя, подрезавшего ей поджилки. Не пройдет и трех лун!

А сзади него в это время крался, припадая к земле, скваттер Рудольф Каутерс, и его мужественные брови мрачно хмурились, когда он рассматривал, припав к земле, след сапога Вильяма, отчетливо отпечатанный на влажной траве австралийского леса.

– Я бы мог делать и пять верст в час (кстати, почему не «миль»¹⁰ или «ярдов»¹¹), – шептал скваттер, – но я хочу выследить эту старую лисицу.

А Блокер уже услышал сзади себя шорох и, прыгнув за дерево, оказавшееся эвкалиптом, притаился...

Увидев ползшего по траве Рудольфа, он приложился и выстрелил.

И, схватившись рукой за грудь, перевернулся честный скваттер.

– Хо-хо! – захохотал Вильям. – Меткий выстрел. День не пропал даром, и старый Биль доволен собой...

* * *

– Ну, двадцать минут прошло, – раздался как гром в ясный погожий день голос учителя арифметики. – Ну что, все решили? Ну, ты, Панталыкин Семён, покажи: какой из крестьян первый пришел в пункт Б?

И чуть не сказал бедный Панталыкин, что, конечно, в Санта-Фе первым пришел негодяй Блокер, потому что скваттер Каутерс лежит с простреленной грудью и предсмертной мукой на лице, лежит, одинокий в пустыне, в тени ядовитого австралийского «змеинового» дерева!..

Но ничего этого не сказал он. Прохрипел только: «Не решил... не успел...»

И тут же увидел, как жирная двойка ехидной гадюкой зазмеилась в журнальной клеточке против его фамилии.

– Я погиб, – прошептал Панталыкин Семён. – На второй год остаюсь в классе. Отец выдерет, ружья не получу, «Вокруг света» мама не выпишет...

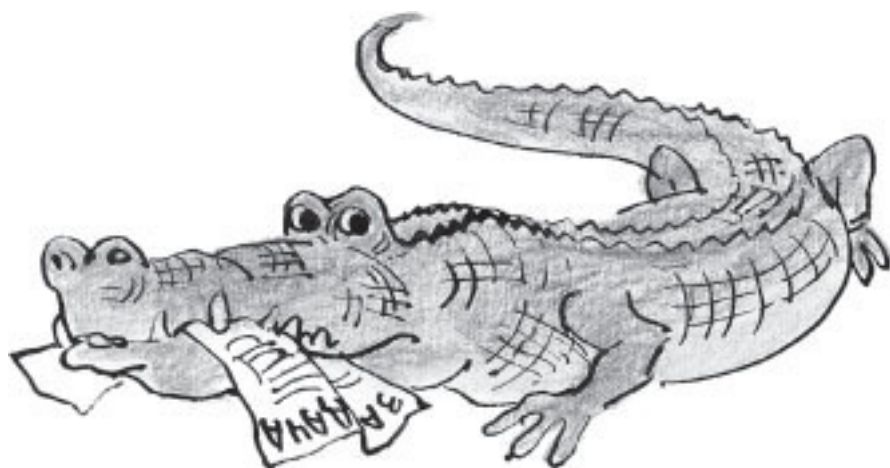
¹⁰ Милья – мера длины, введенная в Древнем Риме. Применяется до сих пор в некоторых странах (Англия, США). Британская миля чуть больше полутора километров.

¹¹ Ярд – мера длины. Как и миля, используется в странах с английской системой мер. Чуть меньше метра.

И представилось Панталыкину, что сидит он на развалине «змеиною» дерева... Внизу бушует разлившаяся после дождя вода, в воде щелкают зубами кайманы, а в густой листве прячется ягуар, который скоро прыгнет на него, потому что огонь, охвативший дерево, уже подбирается к разъяренному зверю...

Я погиб!

Аркадий Аверченко Разговор в школе

Посвящаяю Ариадне Румановой

Художник *Ирина Догонина*

Нельзя сказать, чтобы это были два враждующих лагеря. Нет – это были просто два противоположных лагеря. Два непонимающих друг друга лагеря. Два снисходительно относящихся друг к другу лагеря.

Один лагерь заключался в высокой бледной учительнице «школы для мальчиков и девочек», другой лагерь был числом побольше. Раскинулся он двумя десятками стриженных или украшенных скудными косичками головок, склоненных над ветхими партами... Все головы, как единообразно вывихнутые, скривились на левую сторону, все языки были прикушены маленькими мышинными зубенками, а у Рюхина Андрея от излишка внимания даже тонкая нитка слюны из угла рта выползла.

Скрип грифелей, запах полувысохших чернил и вздохи, вздохи – то облегчения, то натуги и напряжения – вот чем наполнялась большая полутемная комната.

А за открытым окном, вызолоченные до половины солнцем, качаются старые акации, а какая-то задорная суетливая пичуга раскричалась в зелени так, что за нее делается страшно – вдруг разрыв сердца! А издали, с реки, доносятся крики купающихся мальчишек, а лучи солнца, ласковые, теплые, как рука матери, проводящая по головке своего любимца, лучи солнца льются с синего неба. Хорошо, черт возьми! Завизжать бы что-нибудь, захрюкать и

камнем вылететь из пыльной комнаты тихого училища – побежать по сонной от зноя улице, выделывая ногами самые неожиданные курбеты¹².

Но нельзя. Нужно учиться.

Неожиданно среди общей творческой работы Кругликову Капитону приходит в голову сокрушительный вопрос:

«А зачем, в сущности, учиться? Действительно ли это нужно?»

Кругликов Капитон – человек смелый и за словом в карман не лезет.

– А зачем мы учимся? – спрашивает он, в упор глядя на прохаживающуюся по классу учительницу.

Глаза его округлились, выпуклились, отчасти от любопытства, отчасти от ужаса, что он осмелился задать такой жуткий вопрос.

– Чудак, ей-богу, ты человек, – усмехается учительница, проводя мягкой ладонью по его голове против шерсти. – Как зачем? Чтобы быть умными, образованными, чтобы отдавать себе отчет в окружающем.

– А если не учиться?

– Тогда и культуры никакой не будет.

– Это какой еще культуры?

– Ну... так тебе трудно сказать. Я лучше всего объясню на примере. Если бы кто-нибудь из вас был в Нью-Йорке...

– Я была, – раздается тонкий писк у самой стены.

Все изумленно оборачиваются на эту отважную путешественницу. Что такое? Откуда?

¹² *Курбет* – элемент акробатики, скачок с ног на руки или наоборот.

Очевидно, в школах водится особый школьный бесенок, который вертится между партами, толкает под руку и выкидывает вообще всякие кренделя, которые потом сваливает на ни в чем не повинных учеников... Очевидно, это он дернул Наталью Пашкову за жиденькую косичку, подтолкнул в бок, шепнул: «Скажи, что была, скажи!»

Она и сказала.

– Стыдно врать, Наталья Пашкова. Ну когда ты была в Нью-Йорке? С кем?

Наталья рада была сквозь землю провалиться: действительно – черт ее дернул сказать это, но слово, что воробей: вылетит – не поймаешь.

– Была... ей-богу, была... Позавчера... с папой.

Ложь, сплошная ложь: и папы у нее нет, и позавчера она была, как и сегодня, в школе, и до Нью-Йорка три недели езды.

Наталья Пашкова легко, без усилий, разоблачается всем классом и, плачущая, растерянная, окруженная общим молчаливым презрением, – погружается в ничтожество.

– Так вот, дети, если бы кто-нибудь из вас был бы в Нью-Йорке, он бы увидел огромные многоэтажные дома, сотни несущихся вагонов трамвая, электричество, подъемные машины, и все это – благодаря культуре. Благодаря тому, что пришли образованные люди. А знаете, сколько лет этому городу? Лет сто – полтораста – не больше!!

– А что было раньше там? – спросил Рюхин Андрей, выгибая натруженную работой спину так, что она громко затрещала: будто орехи кто-нибудь просыпал.

– Раньше? А вот вы сравните, что было раньше: раньше был непроходимый лес, перепутанный лианами. В лесу – разное дикое зверье, пантеры, волки; лес переходил в дикие луга, по которым бродили огромные олени, бизоны, дикие лошади... А кроме того, в лесах и на лугах бродили индейцы, которые были страшнее диких зверей – убивали друг друга и белых и снимали с них скальпы. Вот вы теперь и сравните, что лучше: дикие поля и леса со зверьем, индейцами, без домов и электричества или – широкие улицы, трамвай, электричество и полное отсутствие диких индейцев?!

Учительница одним духом выпалила эту тираду и победоносно оглядела всю свою команду: что, мол, съели?

– Вот видите, господа... И разберите сами: что лучше – культура или такое житье? Ну, вот ты, Кругликов Капитон... Скажи ты: когда, значит, лучше жилось – тогда или теперь?

Кругликов Капитон встал и после минутного колебания пробубнил, как майский жук:

– Тогда лучше.

– Что?! Да ты сам посуди, чужак: раньше было плохо, никаких удобств, всюду звери, индейцы, а теперь дома, трамвай, подъемные машины... Ну? Когда же лучше – тогда или теперь?

– Тогда.

– Ах ты господи... Ну вот ты, Полторацкий, – скажи ты: когда было лучше – раньше или теперь?

Полторацкий недоверчиво, исподлобья глянул на учительницу (а вдруг единицу вкатит) и уверенно сказал:

– Раньше лучше было.

– О бог мой!! Слизняков, Гавриил!

– Лучше было. Раньше.

– Прежде всего – не раньше, а раньше. Да что вы, господа, – затмение у вас в голове, что ли? Тут вам и дома, и электричество...

– А на что дома? – цинично спросил толстый Фитюков.

– Как на что? А где же спать?

– А у костра? Завернулся в одеяло и спи сколько влезет. Или в повозку залезь! Повозки такие были. А то подумаешь: дома!

И он поглядел на учительницу не менее победоносно, чем до этого смотрела она.

– Но ведь электричества нет, темно, страшно...

Семён Заволдаев снисходительно поглядел на разгорячившуюся учительницу...

– Темно? А костер вам на что? Лесу много – жги сколько влезет. А днем и так себе светло.

– А вдруг зверь подберется.
– Часового с ружьем нужно выставять, вот и не подберется. Дело известное.
– А индейцы подберутся сзади, схватят часового да на вас...
– С индейцами можно подружиться. Есть хорошие племена, приличные...
– Делаварское племя есть, – поддержал кто-то сзади. – Они белых любят. В крайнем случае можно на мустанге ускакать.

Стриженные головы сдвинулись ближе, будто чем-то объединенные, – и голоса затрещали, как сотня воробьев на ветках акации.

– А у городе у вашем одного швейцара на лифте раздавило... Вот вам и город.
– А у городе мальчик недавно под трамвай попал!
– Да просто у городе у вашем скучно – вот и все, – отрубил Слизняков Гавриил.
– Скверные вы мальчишки, просто вам не приходилось быть в лесу среди диких зверей – вот и все.
– А я была, – пискнула Наталья Пашкова, которую не оставлял в покое школьный бес.
– Врет она, – загудели ревнивые голоса. – Что ты все врешь да врешь. Ну если ты была – почему тебя звери не съели, ну, говори!

– Станут они всякую заваль¹³ лопать, – язвительно пробормотал Кругликов Капитон.
– Кругликов!

– А чего же она... Вы же сами говорили, что врать – грех. Врет, ей-богу, все время.

– Не врать, а лгать. Однако послушайте: вы, очевидно, меня не поняли... Ну как же можно говорить, что раньше было лучше, когда теперь есть и хлеб, и масло, и сыр, и пирожное, а раньше этого ничего не было.

– Пирожное!!

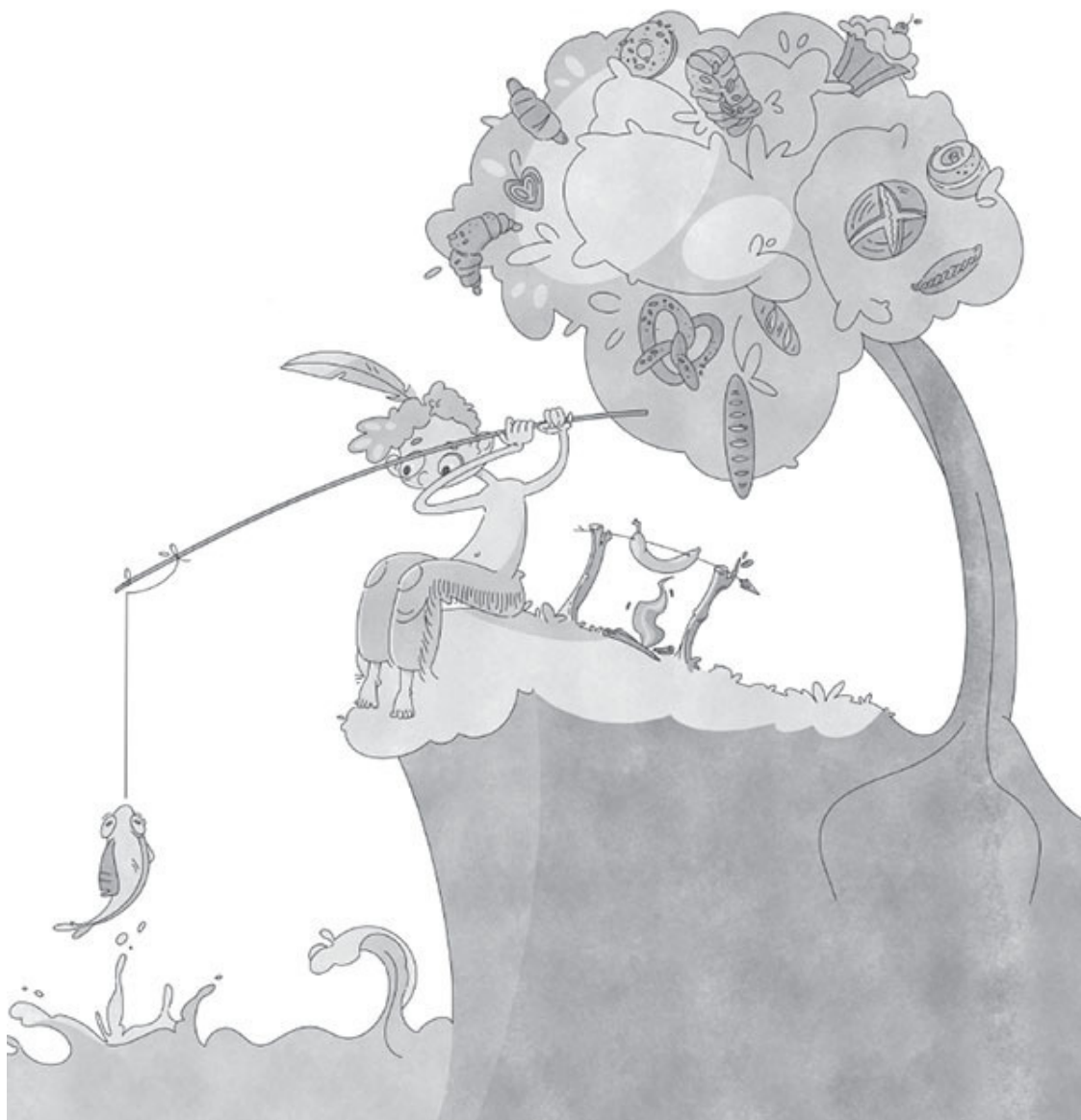
Удар был очень силен и меток, но Кругликов Капитон быстро от него оправился.

– А плоды разные: финики, бананы – вы не считаете?! И покупать не нужно – ешь сколько влезет. Хлебное дерево тоже есть – сами же говорили... сахарный тростник. Убил себе бизона, наваял мяса и гуляй себе, как барин.

– Речки там тоже есть, – поддержал сбоку опытный рыболов. – Загни булавку да лови рыбу сколько твоей душеньке угодно.

Учительница прижимала обе руки к груди, бегала от одного к другому, кричала, волновалась, описывала все прелести городской безопасной жизни, но все ее слова отбрасывались упруго и ловко, как мячик. Оба лагеря совершенно не понимали друг друга. Культура явно трещала по всем швам, энергично осажденная, атакованная индейцами, кострами, пантерами и баобабами...

¹³ Заваль – залежалый, порченный товар, нечто ненужное.

– Просто вы все скверные мальчишки, – пробормотала уничтоженная учительница, лиш-
ний раз щегольнув нелогичностью, столь свойственной ее слабому полу. – Просто вам нравятся
дикие игры, стрельба из ружья – вот и все. Вот мы спросим девочек... Клавдия Кошкина –
что ты нам скажешь? Когда лучше было – тогда или теперь?

Ответ был ударом грома при ясном небе.

– Тогда, – качнув огрызком косички, сказала веснушчатая, бледнолицая Кошкина.

– Ну почему? Ну скажи ты мне – почему, почему?..

– Травка тогда была... я люблю... Цветы были. – И обернулась к Кругликову – признан-
ному специалисту по дикой, первобытной жизни: – Цветы-то были?

– Сколько влезет было цветов, – оживился специалист, – огромные были – тропиче-
ские. Здоровенные, пахнут тебе – рви сколько влезет.

– А в городе черта пухлого найдешь ты цветы. Паршивенькая роза рубль стоит.

Посрамленная, уничтоженная учительница заметалась в последнем предсмертном уси-
лии:

– Ну, вот пусть нам Катя Иваненко скажет... Катя! Когда было лучше?

– Тогда.

– Почему?!!

– Бизончики были, – нежно проворковала крохотная девочка, умильно склонив светлую головенку набок.

– Какие бизончики?.. Да ты их когда-нибудь видела?

– Скажи – видела! – шепнула подталкиваемая бесом Пашкова.

– Я их не видела, – призналась простодушная Катя Иваненко. – А только они, наверное, хорошенькие... – И, совсем закрыв глаза, простонала: – Бизончики такие... Мохнатенькие, с мордочками. Я бы его на руки взяла и в мордочку поцеловала...

Кругликов – специалист по дикой жизни – дипломатически промолчал насчет не осуществимости такого буколического¹⁴ намерения сентиментальной Иваненко, а учительница нахмурила брови и сказала срывающимся голосом:

– Ну хорошо же! Если вы такие – не желаю с вами разговаривать. Кончайте решение задачи, а кто не решит – пусть тут сидит хоть до вечера.

И снова наступила тишина.

И все решили задачу, кроме бедной, чистой сердцем Екатерины Иваненко: бизон все время стоял между ее глазами и грифельной доской...

Сидела маленькая до сумерок.

¹⁴ *Буколический* – романтически сельский. Непременный атрибут – пастушки и пастушки.

Аркадий Аверченко Синее одеяло

Художник Анна Власова

- Грачев! У тебя есть двенадцатый выпуск Ната Пинкертон¹⁵?
- Нет, девятый есть. Спроси у Замирайло.
- Замирайло! Дай двенадцатый выпуск Пинкертончика.
- Ишь ты какой хитрый... А что я буду читать?
- Так ведь сейчас урок арифметики будет, не будешь же ты читать на арифметике.
- Ах, господи! Сейчас арифметика... А я, что называется, – ни-ни. Всю ночь читал «Дик Викольтос – душитель миллионеров»...
- А что у нас на сегодня?
- Цепное правило и правило товарищества¹⁶.
- Здорово. Пойдем мы сегодня как топоры ко дну. Вот тебе и Пинкертон. Красильников! Ты приготовил?
- Приготовил... Могилу я себе приготовил. Слушай, ты не знаешь случайно, что такое правило товарищества?
- По-моему, так: главное – не фискалить, поддерживать товарища в беде, кроме того...
- Дурной ты! Я тебя об арифметическом правиле спрашиваю. Ты еще на уроке ляпни такой ответ Александру Николаевичу...
- Краснокожие!.. – возгласил дежурный, заглянув в окно. – Стройся, как говорится, к расчету. Александр Николаевич идет.

¹⁵ *Нат Пинкертон* – герой популярных в начале XX века детективно-приключенческих рассказов.

¹⁶ *Цепное правило* – прием в старых учебниках арифметики для перевода из одной системы мер в другую с помощью третьей. *Правило товарищества* – способ деления чисел на части.

Сдержанный болезненный стон пронесся по всему классу.

«Мне смертию кость угрожала»¹⁷, – прошептал Красильников, судорожно вчитываясь в Киселёва¹⁸, страницы которого были испещрены самыми загадочными цифрами и вычислениями.

Почти у всех в руках вместо Киселева была бог его знает какая гадость: маленькие засаленные книжонки с аляповато, грубо раскрашенными обложками, крикливо вещавшими, что содержание их не менее зазвонисто: «Тайна мистера Пэка, или Три отрезанные головы», «Берлинский палач», «Подземелье дьявола» – все это сплошь грубое, глупое, тошнотворно-безграмотное. Весь этот вздор при первых же словах дежурного, обращенных к краснокожим, моментально нырнул в ранцы и ящики парт, а взамен «берлинских палачей» выскочили спокойные, солидные Киселёвы, Киселёвы, Киселёвы – целое море глубокомысленной арифметики.

– Много будет сегодня убиенных младенцев, – пророчески провозгласил Красильников.

– Типун тебе на язык.

– Ну, типун-то – это вопрос, а единица в журнале – верная.

С первой скамьи раздался судорожный писк умиравшего от ужаса и дурных предчувствий Грачева:

– Замирайло! Золотой голубчик! Спаси нас!

– Как же я вас спасу, дурные! Надо было выучить и тройное и цепное.

– А сам-то ты учил?

– Нет, положим. Я вчера у одного мальчика достал «Фантомас»¹⁹, убийца детей»... Впрочем, постойте, господа... Надо, знаете что сделать? Занять Александра Николаевича разговором. Гм!.. Стоп. Нашел. Чем ушибся, тем и лечись!.. Есть. Только вы уж поддержите.

* * *

Учитель математики с завидной медлительностью положил на кафедру журнал, вынул платок, протер очки, аккуратно сложил и спрятал платок и только тогда уселся на свое место.

– Ну-с... Перво-наперво мы проверим, кого нет в классе.

Он медлительно развернул журнал:

– Авилов Илья?

– Здесь.

– Агабашев Степан?

– Здесь.

– Андриевич Николай?

– Нет его, – отвечал дежурный.

– И не будет, – вдруг мрачно пробормотал Замирайло.

– Что? – поднял голову учитель.

Все молчали.

– Кто сказал «и не будет»?

Замирайло с деланой неохотой поднялся с места.

– Я сказал «и не будет».

– Что ж он, серьезно болен, что ли?

¹⁷ Цитата из «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина.

¹⁸ Андрей Петрович Киселёв (1852–1940) – российский, советский педагог-математик, автор учебников по арифметике, алгебре и геометрии.

¹⁹ *Фантомас* – персонаж бульварных французских романов начала XX века (всего – 43 романа). Гениальный преступник, скрывающий лицо под масками.

– Нет, – промямлил Замирайло, – не то... Да я уж и не знаю, говорить ли вообще, Александр Николаевич...

– А что такое? В чем дело? – встревоженно поднял голову добряк математик.

– Да я боюсь, как бы и мне в эту историю не запутаться... Будут еще по судам таскать как свидетеля... – И добавил с лицемерной заботливостью: – А это может отразиться на моих учебных занятиях.

– Нет, ты мне скажи, в чем дело с Андриевичем, – совсем уже встревожился учитель. – Что такое? При чем тут суд?

Замирайло, опустив голову, молчал.

– Ну же? Говори смело, не бойся.

– Ну хорошо... – вздохнул Замирайло. – Я скажу все, что знаю, там не мое дело. Вчера, как вам известно, было воскресенье. Я решил с утра пойти на реку, половить рыбу. Ну, конечно, взял с собой и учебные книжки... Киселева «Арифметику» взял. Думаю, что хотя и знаю все, но все-таки еще подзубрить не мешает. Иду это я к реке, встречаю Андриевича, под мышкой у него синее одеяло и книжки.

Замирайло на минуту замялся, потом великодушно закончил:

– Тоже учебные книжки. Он тоже шел на реку учить Киселева. «Здравствуй, голубчик Андриевич, – говорю я ему. – Куда это ты с книжками и одеялом направляешься?» – «А к реке, – говорит. – лягу себе, – говорит, – под кустиком и тоже буду учить арифметику». – «Ну, хорошо, – говорю я ему, – только ты садись подальше, чтобы мы не мешали друг другу учить арифметику». Так мы и сделали. Я уселся под ивой на бережку, а он улегся, так... ярдов на сто...

– Ну, ну – и что же? – поощрил заинтересованный учитель.

– Сижу я, значит, ужу рыбку, учу арифметику (хотя, конечно, я знаю, но для верности учил еще), вдруг слышу за спиной на горке голоса... Кто эти проходящие, я не видел – сидел спиной, да и кусты мешали, но разговор я услышал такой: «Так, значит, решено, Манюк?» – «Значит, решено». – «Деньги получишь, как обещано. Это тебе лучше лошадей». – «А вы верно знаете, что он тут?» – «Здесь он, здесь. Взял одеяло и пошел на реку... Манюк!» – «А?» – «Только сделай же так, чтобы никаких следов не было». – «Да уж, раз река под боком, какие

же следы...» Тут они прошли, и я дальше ихнего разговора не слышал... Только минут через пять до меня донесся издали какой-то разговор, потом подавленный крик, потом плеск воды!.. А потом все смолкло.

– Ну, – поощрил учитель.

– Все... – глубоко вздохнул Замирайло. – Я больше ничего не знаю.

Учитель задумался, покусывая суставы пальцев.

– Я думаю, что все это вздор. Просто случайное совпадение. Кому, спрашивается, может понадобиться жизнь Андриевича... Ну-с... А теперь приступим к правилу товарищества. Кого бы мне вызвать?..

Вдруг с места поднялся Красильников и взволнованным голосом спросил Замирайло:

– Замирайло! А какого цвета было одеяло у Андриевича?

– Синего, – с готовностью ответил Замирайло.

– Синего? Гм... Странно. Очень странно, – потирая лоб, прошептал Красильников.

– Что тебе странно, Красильников? – удивленно спросил учитель.

– Такое странное совпадение. Как вы знаете, господа, дом моего отца стоит на Проломной, ярдах в четырехстах от реки. А у нас есть собака – Тигр. И этот Тигр вечно шатается по окрестностям и всегда норовит притащить какую-нибудь дрянь: то кусок дохлой кошки, то обглоданную кость. А вчера он является домой и приносит в зубах кусок синего... одеяла. И на куске какие-то красные пятна, запачканные землей. Тигр положил обрывок на пол и стал слизывать красные пятна...

Красильников потер ладонью лоб и умолк.

– Всё? – спросил учитель.

– Всё.

– Да, все это странно. Ну, я думаю, его родители сами все выяснят. Итак: правило товарищества... Вызовем мы...

– Теперь мне многое делается ясным, – громко сказал Грачев, ни к кому определенно не обращаясь.

– Что тебе ясно? – встрепенулся учитель.

Грачев встал и начал уверенным, полным тайного значения тоном:

– Вчера я зашел к Красильникову взять у него учебник арифметики. У меня мою книгу кто-то украл (мне говорили, что в городе действует какая-то шайка), а я хотел во что бы то ни стало приготовить на сегодня урок... Захожу к Красильникову, он сидит, учит правило товарищества. Поговорили о том о сем, об арифметике... Вдруг он рассказывает: «Понимаешь, – говорит, – наш Тигр принес странный обрезок одеяла». – «Обрывок, – поправляю я, – а не обрезок»... Ведь ты, Красильников, настаивал на том, что это обрезок?

– Настаивал, – с готовностью согласился Красильников, – и сейчас настаиваю. Кусок одеяла, именно срезок от целого, и нож, очевидно, был очень острый, потому что без рваных мест.

– Все-таки что же тебе ясно? – переспросил Грачева учитель.

– Когда он показал обрывок или там отрезок, я и говорю: «Постой, да ведь это одеяло Андриевича. Я у него как-то был, сидел на кровати и как раз обратил внимание на цвет и рисунок одеяла...» Мне как-то сразу сделалось беспокойно. «Знаешь что, – говорю я. – Пойду-ка я к Андриевичу, лучше у него возьму арифметику. Кстати же и проведаю его, как он живет». Попрощался с Красильниковым, иду...

– Да, это верно, – подтвердил обстоятельный Красильников, – он со мной попрощался и пошел...

– Не мешай, Красильников, – раздался гул голосов.

– Иду... Прихожу к Андриевичу, встречает меня ихняя домоправительница... Как известно, господа, Андриевич сирота, сын очень богатых родителей, и живет он у своего холостого опекуна. «Что вам?» – спрашивает меня домоправительница и все этак подозрительно на

меня поглядывает. «Андреевич дома?» – спрашиваю. «Нет его, нет, и неизвестно, когда будет». И видно, что старая ведьма старается как можно скорее спровадить меня со двора. Вдруг вижу я, из дому на крыльцо выходит цыган Манюк, про которого говорят, что он конокрад и занимается вообще всякими темными делами... И вдруг тут меня будто что в бок толкнуло. «А я, говорю, к Андреевичу пришел по делу. Мы, видите ли, устраиваем любительский спектакль, и нам нужно для занавеса синее одеяло... Андреевич говорил, что у него есть, обещал дать». Она ка-ак рассвирепеет. «Уходите, – кричит, – никаких одеял не могу вам дать! Молодого барина нет, а я без него не могу его вещей давать». А меня как будто кто-то в бок толкает. «Мадам, – говорю я. – Я этого одеяла и не собираюсь брать с собой, вы мне только покажите его, годится ли?» Тут она взвизгнула, схватила меня за плечи, вытолкала и захлопнула калитку перед самым моим носом.

– Гм!... – промычал учитель. – Замирайло! Выскажи свое просвещенное мнение...

– Что ж я скажу, Александр Николаевич, – скромно встал Замирайло. – Я ничего не знаю, а только у Андреевича в будущем большие деньги, и опекуну выгодно отделаться от бедного Николая...

– Так ты думаешь, что это опекун говорил с Манюком за твоей спиной?

– Уверен, – бодро сказал Замирайло.

– В котором часу это было приблизительно? – спросил учитель.

– В десять часов утра или немного позже.

– Ну так поздравляю вас: я был вчера около этого времени на вокзале и видел опекуна Андреевича – я его немного знаю в лицо. Он сел в десятичасовой киевский поезд и уехал.

Это сообщение учителя произвело большое впечатление. Все притихли. Воспользовавшись паузой, учитель снова развернул журнал и сказал:

– Кого же бы нам сейчас вызвать?..

– Понял! – вдруг раздался голос Азебашева Степана. – Теперь не буду больше ломать себе голову.

– Над чем это, Азебашев? Над чем ты не будешь ломать голову?

– Да это пустяк, Александр Николаич. Но все-таки меня он удивил. У меня есть товарищ, сын начальника станции... И он вчера утром позвал меня покататься на маневрирующем паровозе. Сели мы – паровоз стоял на запасном пути, сзади десятичасового пассажирского, вдруг раздается третий звонок, пассажирский трогается, и только что он тронулся, как на площадке показался пожилой господин с чемоданом, открыл дверцу площадки да и выскочил с нашей стороны, то есть с противоположной перрону. Схватил чемодан да, сделав маленький крюк, помчался в город.

– Вздор ты говоришь, Азебашев; если, как я тебя понимаю, это был опекун Андреевича, то как он мог через полчаса попасть на реку и встретиться с Манюком, если от вокзала до реки езды на извозчике не меньше часу. Просто совпадение. Ну, мы все тут болтаем, а час уже скоро кончается. Ну-с, пусть нам расскажет о правиле товарищества... Батуричев, что ли.

Батуричев встал, помолчал немного и сказал:

– Правилom товарищества называется... Нет, не могу припомнить! Может быть, это и пустяк, может, это и не имеет отношения, но сказать я обязан.

Учитель был чрезвычайно удивлен таким продолжением «правила товарищества»:

– Что это ты там бормочешь, Батуричев? Что ты обязан сказать?

– Вчера утром, Александр Николаевич, я встал очень рано. Хотя было воскресенье, но, думаю, встану, поучу хорошенько правило цепное и товарищества, а потом пойду гулять... а около нашего дома помещается гараж, оттуда можно брать автомобили. Смотрю, стоит автомобиль, весь в пыли, а около ходит шофер и о чем-то разговаривает с механиком. Я тоже остановился около автомобиля, люблюсь машиной, слушаю. «Чего ж он так гнал тебя?» – «Бог его знает. Я стоял у вокзала, вдруг он подбегает, с чемоданом, пожилой такой, верно, чем-то

озабоченный, вскакивает в мотор и говорит: «Поднимите верх и, не жалея машины, летите к реке, пятьдесят рублей на чай получите!» Я и погнал. Около реки из-за кустов вышел какой-то чернобородый, и они о чем-то заговорили... А я уехал». Не знаю, почему мне запомнился этот рассказ шофера, но я...

Резкий звонок, возвещавший окончание урока, прозвучал в коридоре. Все облегченно вздохнули. Учитель сделался задумчив.

– Да, любопытная история, любопытная. Хотел бы я знать, что случилось с Андриевичем и где он сейчас...

И вдруг встал доселе молчавший и погруженный в чтение какой-то раскрашенной книжки Авилов Антон.

– Александр Николаевич, – простодушно спросил он. – Вы, кажется, хотите знать, где сейчас Андриевич?

– Да! А ты разве знаешь?

– Я, когда шел сегодня утром в гимназию, встретил его. Он сказал, что его опекун заболел и он должен бежать в аптеку и сидеть около него.

– Чего ж ты раньше молчал, чудак? – удивился учитель. – Мы тут целый час толкуем об Андриевиче, а он...

– А я не слышал. Я читал книжку... Арифметику Киселева читал. Так увлекся, что и не слышал, о чем говорят.

– Экая досада. А вы, господа, вечно какие-нибудь глупости выдумаете. Почудится им какой-нибудь вздор, они и пойдут расписывать, только время даром отнимают...

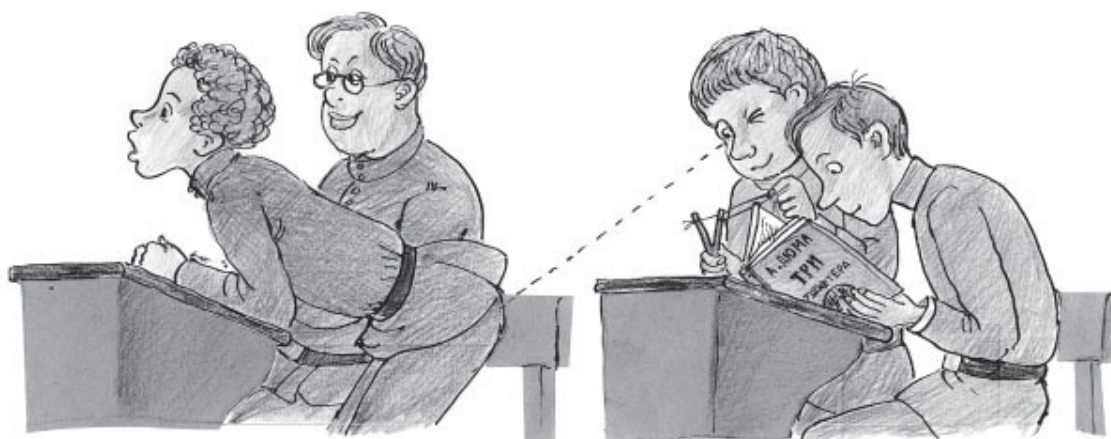
В этот момент в комнату вошел надзиратель. Сказал:

– Александр Николаич! Батюшка сейчас запиской сообщил, что на уроке закона божьего не будет. Директор просил вас заняться с классом на один час.

Сдержанный глухой стон как ветерок пронесся по классу.

– Ну-с, пинкертоны, – обратился учитель к поникшим ученикам. – Сейчас пятиминутная перемена, а через пять минут займемся правилом товарищества... Вы все так его вызубрили, что приятно будет вас спросить...

Волосы у пинкертонов встали дыбом. Будто целый лес тоненьких единиц пророчески поднялся на голове у каждого из них.

Ирина Пивоварова О чем думает моя голова²⁰

Художник Алексей Шевченко

Если вы думаете, что я учусь хорошо, то вы ошибаетесь. Я учусь неважно. Почему-то все считают, что я способная, но ленивая. Я не знаю, способная я или неспособная. Но только я точно знаю, что я не ленивая. Я по три часа сижу над задачами. Вот, например, сейчас я сижу и изо всех сил хочу решить задачу. А она не решается. Я говорю маме:

– Мам, а у меня задачка не получается.

– Не ленись, – говорит мама. – Подумай хорошенько, и все получится. Только хорошенько подумай!

Она уходит по делам. А я беру голову обеими руками и говорю ей:

– Думай, голова. Думай хорошенько... «Из пункта А в пункт Б вышли два пешехода...» Голова, ты почему не думаешь? Ну, голова, ну, думай, пожалуйста! Ну что тебе стоит!

За окном плывет облачко. Оно легонькое, как пух. Вот оно остановилось. Нет, плывет дальше.

«Голова, о чем ты думаешь?! Как тебе не стыдно!!! Из пункта А в пункт Б вышли два пешехода...» Люська, наверное, тоже вышла. Она уже гуляет. Если бы она подошла ко мне первая, я бы ее, конечно, простила. Но разве она подойдет, такая вредина?!

«...Из пункта А в пункт Б...» Нет, она не подойдет. Наоборот, когда я выйду во двор, она возьмет под руку Лену и будет с ней шептаться. Потом она скажет: «Лен, пошли ко мне, у меня что-то есть». Они уйдут, а потом сядут на подоконник и будут смеяться и грызть семечки.

«...Из пункта А в пункт Б вышли два пешехода...» А я что сделаю?.. А я тогда позову Колю, Петьку и Павлика играть в лапту. А она что сделает?.. Ага, она поставит пластинку «Три

²⁰ Из цикла «Рассказы Люси Синициной, ученицы третьего класса».

толстяка». Да так громко, что Коля, Петька и Павлик услышат и побегут просить ее, чтобы она дала им послушать. Сто раз слушали, все им мало! И тогда Люська закроет окно, и они там все будут слушать пластинку.

«...Из пункта А в пункт... в пункт...» А я тогда возьму и запущу чем-нибудь прямо в ее окно. Стекло – дзынь! – и разлетится. Пусть знает!

Так. Я уже устала думать. Думай не думай – задача не получается. Просто ужас какая задачка трудная! Вот погуляю немножко и снова стану думать.

Я закрыла задачник и выглянула в окно. Во дворе гуляла одна Люська. Она прыгала в классики.

Я вышла во двор и села на лавочку. Люська на меня даже не посмотрела.

– Сережка! Витька! – закричала сразу Люська. – Идемте в лапту играть!

Братя Кармановы выглянули в окно.

– У нас горло, – хрипло сказали оба брата. – Нас не пустят.

– Лена! – закричала Люська. – Лен! Выходи!

Вместо Лены выглянула ее бабушка и погрозила Люське пальцем.

– Павлик! – закричала Люська.

В окне никто не появился.

– Пе-еть-ка-а! – надсаживалась Люська.

– Девочка, ну что ты орешь?! – высунулась из форточки чья-то голова. – Больному человеку отдохнуть не дают! Покоя от вас нет! – И голова всунулась обратно в форточку.

Люська украдкой посмотрела на меня и покраснела как рак. Она подергала себя за косичку. Потом сняла с рукава нитку.

Потом посмотрела на дерево и сказала:

– Люсь, давай в классики.

– Давай, – сказала я.

Мы попрыгали в классики, и я пошла домой решать свою задачу. Только я села за стол, пришла мама:

– Ну, как задачка?

– Не получается.

– Но ведь ты уже два часа над ней сидишь! Это просто ужас что такое! Задают детям какие-то головоломки!.. Ну, давай показывай свою задачу! Может, у меня получится? Я все-таки институт кончала... Так... «Из пункта А в пункт Б вышли два пешехода...» Постой-постой, что-то эта задача мне знакома!.. Послушай, да ведь вы ее в прошлый раз вместе с папой решили! Я прекрасно помню!

– Как? – удивилась я. – Неужели?.. Ой, правда, ведь это сорок пятая задача, а нам сорок шестую задали.

Тут мама страшно рассердилась.

– Это возмутительно! – сказала мама. – Это неслыханно! Это безобразие! Где твоя голова?! О чем она только думает?!

Виктор Драгунский Смерть шпиона Гадюкина²¹

Художник *Ольга Смирнова*

Оказывается, пока я болел, на улице стало совсем тепло и до весенних наших каникул осталось два или три дня. Когда я пришел в школу, все закричали:

– Дениска пришел, ура!

И я очень обрадовался, что пришел и что все ребята сидят на своих местах – и Катя Точилина, и Мишка, и Валерка, – и цветы в горшках, и доска такая же блестящая, и Раиса Ивановна веселая, и все, все как всегда. И мы с ребятами ходили и смеялись на перемене, а потом Мишка вдруг сделал важный вид и сказал:

– А у нас будет весенний концерт!

Я сказал:

– Ну да?

Мишка сказал:

– Верно! Мы будем выступать на сцене. И ребята из четвертого класса нам покажут постановку. Они сами сочинили. Интересная!..

Я сказал:

– А ты, Мишка, будешь выступать?

– Подрастешь – узнаешь.

И я стал с нетерпением дожидаться концерта. Дома я все это сообщил маме, а потом сказал:

²¹ Из цикла «Денискины рассказы».

– Я тоже хочу выступать...

Мама улыбнулась и говорит:

– А что ты умеешь делать?

Я сказал:

– Как, мама, разве ты не знаешь? Я умею громко петь. Ведь я хорошо пою? Ты не смотри, что у меня тройка по пению. Все равно я пою здорово.

Мама открыла шкаф и откуда-то из-за платьев сказала:

– Ты споешь в другой раз. Ведь ты болел... Ты просто будешь на этом концерте зрителем. – Она вышла из-за шкафа. – Это так приятно – быть зрителем. Сидишь, смотришь, как артисты выступают... Хорошо! А в другой раз ты будешь артистом, а те, кто уже выступал, будут зрителями. Ладно?

Я сказал:

– Ладно. Тогда я буду зрителем.

И на другой день я пошел на концерт. Мама не могла со мной идти – она дежурила в институте, – папа как раз уехал на какой-то завод на Урал, и я пошел на концерт один. В нашем большом зале стояли стулья и была сделана сцена, и на ней висел занавес. А внизу сидел за роялем Борис Сергеевич. И мы все уселись, а по стенкам встали бабушки нашего класса. А я пока стал грызть яблоко.

Вдруг занавес открылся и появилась вожатая Люся. Она сказала громким голосом, как по радио:

– Начинаем наш весенний концерт! Сейчас ученик первого класса «В» Миша Слонов прочтет нам свои собственные стихи! По просим!

Тут все захлопали и на сцену вышел Мишка. Он довольно смело вышел, дошел до середины и остановился. Он постоял так немножко и заложил руки за спину. Опять постоял. Потом выставил вперед левую ногу. Все ребята сидели тихо-тихо и смотрели на Мишку. А он убрал левую ногу и выставил правую. Потом он вдруг стал откашливаться:

– Кхм! Кхм!... Кхм!..

Я сказал:

– Ты что, Мишка, поперхнулся?

Он посмотрел на меня, как на незнакомого. Потом поднял глаза в потолок и сказал:

– *Стих.*

*Пройдут года, наступит старость!
Морщины вскочут на лице!
Желаю творческих успехов!
Чтоб хорошо учились и дальше все!*

...*Всё!*

И Мишка поклонился и полез со сцены. И все ему здорово хлопали, потому что, во-первых, стихи были очень хорошие, а во-вторых, подумать только: Мишка сам их сочинил! Просто молодец!

И тут опять вышла Люся и объявила:

– Выступает Валерий Тагилов, первый класс «В»!

Все опять захлопали еще сильнее, а Люся поставила стул на самой середине. И тут вышел наш Валерка со своим маленьким аккордеоном и сел на стул, а чемодан от аккордеона поставил себе под ноги, чтобы они не болтались в воздухе. Он сел и заиграл вальс «Амурские волны». И все слушали, и я тоже слушал и все время думал: «Как это Валерка так быстро перебирает пальцами?» И я стал тоже так быстро перебирать пальцами по воздуху, но не мог поспеть за Валеркой. А сбоку, у стены, стояла Валеркина бабушка, она помаленьку дирижировала, когда Валерка играл. И он хорошо играл, громко, мне очень понравилось. Но вдруг он в одном месте сбился. У него остановились пальцы. Валерка немножко покраснел, но опять зашевелил пальцами, как будто дал им разбежаться; но пальцы добежали до какого-то места и опять остановились, ну просто как будто споткнулись. Валерка стал совсем красный и снова стал разбегаться, но теперь его пальцы бежали как-то боязливо, как будто знали, что они все равно опять споткнутся, и я уже готов был лопнуть от злости, но в это время на том самом месте, где Валерка два раза спотыкался, его бабушка вдруг вытянула шею, вся подалась вперед и запела:

*...Серебрятся волны,
Серебрятся волны...*

И Валерка сразу подхватил, и пальцы у него как будто перескочили через какую-то неудобную ступеньку и побежали дальше, дальше, быстро и ловко до самого конца. Вот уж ему хлопали так хлопали!

После этого на сцену выскочили шесть девочек из первого «А» и шесть мальчиков из первого «Б». У девочек в волосах были разноцветные ленты, а у мальчиков ничего не было. Они стали танцевать украинский гопак. Потом Борис Сергеевич сильно ударил по клавишам и кончил играть.

А мальчишки и девчонки еще топали по сцене сами, без музыки, кто как, и это было очень весело, и я уже собирался тоже слазить к ним на сцену, но они вдруг разбежались. Вышла Люся и сказала:

– Перерыв пятнадцать минут. После перерыва учащиеся четвертого класса покажут пьесу, которую они сочинили всем коллективом, под названием «Собаке – собачья смерть».

И все задвигали стульями и пошли кто куда, а я вытащил из кармана свое яблоко и начал его догрызать.

А наша октябрятская вожатая Люся стояла тут же, рядом.

Вдруг к ней подбежала довольно высокая рыженькая девочка и сказала:

– Люся, можешь себе представить – Егоров не явился!

Люся всплеснула руками:

– Не может быть! Что же делать? Кто ж будет звонить и стрелять?

Девочка сказала:

– Нужно немедленно найти какого-нибудь сообразительного паренька, мы его научим, что делать.

Тогда Люся стала глядеть по сторонам и заметила, что я стою и грызу яблоко. Она сразу обрадовалась.

– Вот, – сказала она. – Дениска! Чего же лучше! Он нам поможет! Иди сюда!

Я подошел к ним поближе. Рыжая девочка посмотрела на меня и сказала:

– А он вправду сообразительный?

Люся говорит:

– По-моему, да!

А рыжая девочка говорит:

– А так, с первого взгляда, не скажешь.

Я сказал:

– Можешь успокоиться! Я сообразительный.

Тут они с Люсей засмеялись, и рыжая девочка потащила меня на сцену.

Там стоял мальчик из четвертого класса, он был в черном костюме, и у него были засыпаны мелом волосы, как будто он седой; он держал в руках пистолет, а рядом с ним стоял другой мальчик, тоже из четвертого класса. Этот мальчик был приклеен к бороде, на носу у него сидели синие очки, и он был в клеенчатом плаще с поднятым воротником.

Тут же были еще мальчики и девочки, кто с портфелем в руках, кто с чем, а одна девочка в косынке, халатике и с веником.

Я как увидел у мальчика в черном костюме пистолет, так сразу спросил его:

– Это настоящий?

Но рыжая девочка перебила меня.

– Слушай, Дениска! – сказала она. – Ты будешь нам помогать. Встань тут сбоку и смотри на сцену. Когда вот этот мальчик скажет: «Этого вы от меня не добьетесь, гражданин Гадюкин!» – ты сразу позвони в этот звонок. Понял?

И она протянула мне велосипедный звонок. Я взял его.

Девочка сказала:

– Ты позвонишь, как будто это телефон, а этот мальчик снимет трубку, поговорит по телефону и уйдет со сцены. А ты стой и молчи. Понял?

Я сказал:

– Понял, понял... Чего тут не понять? А пистолет у него настоящий? Парабеллум или какой?

– погоди ты со своим пистолетом... Именно что он не настоящий! Слушай: стрелять будешь ты здесь, за сценой. Когда вот этот, с бородой, останется один, он схватит со стола

папку и кинется к окну, а этот мальчик, в черном костюме, в него прицелится, тогда ты возьми эту дощечку и что есть силы стукни по стулу. Вот так, только гораздо сильнее!

И рыженькая девочка бахнула по стулу доской. Получилось очень здорово, как настоящий выстрел. Мне понравилось.

– Здорово! – сказал я. – А потом?

– Это все, – сказала девочка. – Если понял, повтори!

Я все повторил. Слово в слово.

Она сказала:

– Смотри же, не подведи!

– Можешь успокоиться. Я не подведу.

И тут раздался наш школьный звонок, как на уроки.

Я положил велосипедный звонок на отопление, прислонил дощечку к стулу, а сам стал смотреть в щелочку занавеса. Я увидел, как пришли Раиса Ивановна и Люся, и как садились ребята, и как бабушки опять встали у стенок, а сзади чей-то папа взгромоздился на табуретку и начал наводить на сцену фотоаппарат. Было очень интересно отсюда смотреть туда, гораздо интересней, чем оттуда сюда. Постепенно все стали затихать, и девочка, которая меня привела, побежала на другую сторону сцены и потянула за веревку. И занавес открылся, и эта девочка спрыгнула в зал. А на сцене стоял стол, и за ним сидел мальчик в черном костюме, и я знал, что в кармане у него пистолет. А напротив этого мальчика ходил мальчик с бородой. Он сначала рассказал, что долго жил за границей, а теперь вот приехал опять, и потом стал нудным голосом приставать и просить, чтобы мальчик в черном костюме показал ему план аэродрома.

Но тот сказал:

– Этого вы от меня не добьетесь, гражданин Гадюкин!

Тут я сразу вспомнил про звонок и протянул руку к отоплению. Но звонка там не было. Я подумал, что он упал на пол, и наклонился посмотреть. Но его не было и на полу. Я даже весь обомлел. Потом я взглянул на сцену. Там было тихо-тихо. Но потом мальчик в черном костюме подумал и снова сказал:

– Этого вы от меня не добьетесь, гражданин Гадюкин!

Я просто не знал, что делать. Где звонок? Он только что был здесь! Не мог же он сам ускакать, как лягушка! Может быть, он скатился за батарею? Я присел на корточки и стал шарить по пыли за батареей. Звонка не было! Нету!... Люди добрые, что же делать?!

А на сцене бородатый мальчик стал ломать себе пальцы и кричать:

– Я вас пятый раз умоляю! Покажите план аэродрома!

А мальчик в черном костюме повернулся ко мне лицом и закричал страшным голосом:

– Этого вы от меня не добьетесь, гражданин Гадюкин!

И погрозил мне кулаком. И бородатый тоже погрозил мне кулаком. Они оба мне грозили!

Я подумал, что они меня убьют. Но ведь не было звонка! Звонка-то не было! Он же потерялся!

Тогда мальчик в черном костюме схватился за волосы и сказал, глядя на меня с умоляющим выражением лица:

– Сейчас, наверно, позвонит телефон! Вот увидите, сейчас позвонит телефон! Сейчас позвонит!

И тут меня осенило. Я высунул голову на сцену и быстро сказал:
– Динь-динь-динь!

И все в зале страшно рассмеялись. Но мальчик в черном костюме очень обрадовался и сразу схватился за трубку. Он весело сказал:

– Слушаю вас! – и вытер пот со лба.

А дальше все пошло как по маслу. Мальчик в черном встал и сказал бородатому:

– Меня вызывают. Я приеду через несколько минут.

И ушел со сцены. И встал на другой стороне. И тут мальчик с бородой пошел на цыпочках к его столу и стал там рыться и все время оглядывался. Потом он злорадно рассмеялся, схватил какую-то папку и побежал к задней стене, на которой было наклеено картонное окно. Тут выбежал другой мальчик и стал в него целиться из пистолета. Я сразу схватил доску да как трахну по стулу изо всех сил. А на стуле сидела какая-то неизвестная кошка. Она закричала диким голосом, потому что я попал ей по хвосту. Выстрела не получилось, зато кошка поскакала на сцену. А мальчик в черном костюме бросился на бородатого и стал душить. Кошка носилась между ними. Пока мальчики боролись, у бородатого отвалилась борода. Кошка решила, что это мышь, схватила ее и убежала. А мальчик как только увидел, что он остался без бороды, так сразу лег на пол – как будто умер.

Тут на сцену прибежали остальные ребята из четвертого класса, кто с портфелем, кто с веником, они все стали спрашивать:

– Кто стрелял? Что за выстрелы?

А никто не стрелял. Просто кошка подвернулась и всему помешала. Но мальчик в черном костюме сказал:

– Это я убил шпиона Гадюкина!

И тут рыженькая девочка закрыла занавес. И все, кто был в зале, хлопали так сильно, что у меня заболела голова. Я быстренько спустился в раздевалку, оделся и побежал домой. А когда я бежал, мне все время что-то мешало. Я остановился, полез в карман и вынул оттуда... велосипедный звонок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.